

Е.В. Амелина

Роль художественной детали в сюжете повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель»

Точные, запоминающиеся, выразительные детали пейзажей, портретов, интерьеров, как правило, могут многое рассказать о героях, об обстоятельствах их жизни. Но порой художественная деталь перекликается с самим сюжетом произведения. Именно так происходит в повести Пушкина «Станционный смотритель».

Здесь для нас необычайно важна подробность интерьера — лубочные картинки на стенах, домика станционного смотрителя. Картинки эти изображают библейскую притчу о блудном сыне. Попробуем рассмотреть роль этой художественной детали более подробно.

Лубочные картинки в повести имеют двойную функцию. Во-первых, картинки эти выступают как деталь интерьера, то есть являются частью композиции. Во-вторых, они вступают в сложное взаимодействие с сюжетом. Взаимодействие это двояко: мотив притчи о блудном сыне реализуется в самом сюжетном действии, однако реализуется не до конца и, более того, в определенный момент пушкинский сюжет начинает противостоять притче.

Полемичность сюжета «Станционного смотрителя», наличие в нем различных стихий (сентиментальной, романтической) и преодоление их всех Пушкиным было отмечено многими исследователями. «Содержанием этих картинок Пушкин формулирует в нарочито-сочном, немецко-филистерском виде — одно из положений ходячей морали. И этому благочестивому обману он в своем рассказе противопоставляет живую правду», — писал М. Гершензон.

Вспомним сюжет евангельской притчи. Было у одного человека два сына, отец поделил между ними имение. По прошествии некоторого времени младший сын пустился в странствия и растерял имение свое, живя легкомысленно и распутно. Оставив отчий дом, он вынужден был терпеть голод, нужду и лишения. Но сын искренне раскаялся в своем поступке и возвратился к отцу, который простил его: «сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Теперь возвратимся к сюжету повести. Как и блудный сын в притче, Дуня уезжает из родного дома с проезжим гусаром. Спустя несколько лет, став знатной дамой, героиня вновь приезжает к отцу, и, не застав его в живых, горько плачет на его могиле.

Раскаялась ли героиня в содеянном? Видимо, нет. Да, она плачет об отце и о своей прежней жизни, но она счастлива в настоящем.

Можем ли мы упрекать героиню за ее поступок? Может быть, было бы лучше, если бы она навсегда осталась в маленьком домике смотрителя, вышла замуж за какого-нибудь писаря и продолжала жить тихой, размеренной жизнью? Безусловно, именно об этом мечтал Самсон Вырин, это его представление о жизни, его идеал.

Мир бедного смотрителя ограничен его социальным положением, профессией и домашним очагом. Он добр и бесхитростен, по-русски патриархален, религиозен, искренне любит дочь. Образ смотрителя ассоциируется у нас с сентиментальными повестями.

Но, вместе с тем, в своем сознании Самсон Вырин даже мысли не допускает о том, что дочь его может стремиться совсем к иной жизни, нежели тихое и унылое существование в маленьком домике на станции, оживляемое лишь визитом проезжего. Увидев Дуню в Петербурге, прекрасно одетой, с нежностью смотрящей на Минского, выслушав оправдания гусара и его обещание, он опять-таки не может подумать о благополучном разрешении ситуации. Смотритель не верит Минскому. Мировосприятие Вырина ограничено его жизненным опытом, патриархальной традицией, моралью здравого смысла, наконец,

эгоистичностью. Он не верит Минскому, потому что не хочет верить в то, что Дуня может быть счастлива где-то, кроме маленького домика на станции.

Характерно, что здесь Вырин не испытывает той обычной родительской радости, которая возникает у бедного человека, когда «чаду» его достается лучшая доля. В этом безусловный эгоизм его, но одновременно реакция героя подчеркивает и реалистичность повествования: Самсон Вырин «знает» жизнь, он не готов поверить «в сказку».

Образ Минского еще больше раздвигает рамки культурно-литературной традиции. Сама фамилия его указывает на романтического героя. Сюжетная роль Минского напоминает нам о сентиментальной повести, где изображена любовь «неравных», где один из героев «в бедности рожден». Характер же персонажа многогранен, что типично уже для реалистических произведений.

Минский эмоционален, импульсивен, подвержен душевным порывам, легкомыслен. Безусловно, поддавшись чувствам, он ведет себя недостойно, совершенно не задумывается о судьбе бедного зрителя. Однако гусар чувствует свою вину и искренне просит у зрителя прощения: «Рад просить у тебя прощения», – «в крайнем замешательстве» говорит он Вырину.

Минский более тонко рассматривает ситуацию, нежели Самсон Вырин. Гусар понимает, что Дуня «отвыкла от прежнего своего состояния», что ни отец, ни дочь — оба не забудут того, что произошло. Он дает зрителю слово, что дочь его будет счастлива. И Минский держит свое слово — вопреки всем представлениям здравого смысла он женится на бедной девушке. Видимо, для героя были значимы понятия «чести» и «долга», «дворянского слова».

В критике высказывалось мнение, что брак этот стоил Дуне больших душевных усилий, борьбы. В качестве иллюстрации этой мысли приводилось пушкинское замечание о «задумчивости» Минского в комнате Авдотьи Самсоновны. Однако, на наш взгляд, задумчивость эта вполне естественна в его положении. Для любого мужчины женитьба — психологически очень трудный шаг. Минский — привлекательный повеса-гусар, привыкший, очевидно к романам, флирту и т. п. Здесь же он должен не просто решиться на женитьбу, но решиться на мезальянс в глазах света. Психологическая трудность ситуации здесь утраивается для пушкинского героя. И, думается, счастливый финал этой истории определен именно Минским: если бы он не любил Дуню, не захотел жениться на ней, всякая борьба с ее стороны была бы бесплодной.

Наконец, образ Дуни. Это прелестная юная девушка, от природы наделенная живым умом, сообразительностью, воображением, кокетка. Вполне вероятно, что столь сильная любовь отца и постоянное восхищение окружающих вселили в девушку непоколебимую уверенность в своем женском очаровании. Кроме того, это натура сильная, отважная, не отступающая перед неизвестностью. Она сумела «преодолеть всю двусмысленность своего положения, общественное мнение, возможно, суд толпы. Дуню, пожалуй, можно назвать вполне реалистической героиней.

Таким образом, идейный смысл сюжета «Станционного зрителя» во многом противоположен смыслу библейской притчи. В отличие от блудного сына, счастье героини не ограничено пространством ее «родимой обители». И в этом плане повесть полемична по отношению к притче.